

Повелители финансов

Банкиры, перевернувшие мир

LORDS OF FINANCE

The Bankers Who Broke the World

LIAQUAT AHAMED

The Penguin Press

New York, 2009

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ПОВЕЛИТЕЛИ ФИНАНСОВ

Банкиры,
перевернувшие мир

ЛИАКВАТ АХАМЕД

Перевод с английского

МОСКВА
2010

[>>>](http://kniga.biz.ua) Купить книгу на сайте kniga.biz.ua

УДК 339.7
ББК 65.261
А95

Издано при содействии
ЗАО «ИФД КапиталЪ»

Переводчики Т. Гутман, Н. Зарахович

Редактор Ю. Быстрова

Ахамед Л.

А95 Повелители финансов: Банкиры, перевернувшие мир / Лиакват Ахамед; Пер. с англ. — М.: Альпина Пабlishерз, 2010. — 467 с.

ISBN 978-5-9614-1278-9

Главными героями книги Лиаквата Ахамеда стали четыре финансиста, деятельность которых в период между двумя мировыми войнами привела к многочисленным глобальным потрясениям и во многом сделала наш мир таким, каким мы его знаем сегодня. Это Монтегю Норман, глава Банка Англии, Бенджамин Стронг, управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка, Ялмар Шахт, возглавлявший Рейхсбанк, и глава Банка Франции Эмиль Моро. Великая депрессия и крах мировой экономики были вызваны тем, что эти финансисты, облеченные властью и ответственностью, прописывали «больной» экономике лечение, прямо противопоказанное в ее плачевном состоянии.

Книга Лиаквата Ахамеда стала бестселлером *New York Times* № 1 и мировым бестселлером не только благодаря увлекательности сюжета и колоритности главных действующих лиц. Дело в том, что ситуация в мире накануне Великой депрессии удивительным образом перекликается с текущим состоянием мировой экономики, и негативный опыт преодоления прошлого кризиса должен стать уроком для дня сегодняшнего.

Книга предназначена как специалистам финансовой сферы, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей и экономикой.

УДК 339.7
ББК 65.261

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-9614-1278-9 (рус.)
ISBN 978-1-59420-182-0 (англ.)

© Liaquat Ahamed, 2009
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Пабlishерз», 2010

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Содержание

К читателю	7
Предисловие к русскому изданию.....	8
Введение.....	13
Часть I	
Внезапный шторм.....	27
1. Пролог	29
2. Станный и одинокий.....	32
3. Молодой знаток своего дела	42
4. Надежная пара рук.....	51
5. Финансовый инспектор.....	64
6. Денежные генералы	74
Часть II	
После потопа	93
7. Глобальный хаос	95
8. Дядюшка Шейлок	121
9. Пережиток варварства	142
Часть III	
Ветер перемен.....	161
10. Мост от хаоса к надежде	163
11. План Дауэса	174
12. Золотой канцлер.....	194

13. Баталия	214
14. Первые волнения.....	238
15. «Глоточек виски»	256

Часть IV

Пожинающие бурю	269
16. Головой в омут	271
17. Больной скорее мертв, чем жив!.....	311
18. Двигатель нуждается в ремонте	337
19. Отвязавшаяся пушка на палубе мира.....	355
20. Золотые оковы	383

Часть V

После бури	409
21. На излете золотого стандарта.....	411
22. А караван идет... ..	436
23. Эпилог	455
Благодарности.....	464

К читателю

Книга инвестбанкира с более чем 20-летним профессиональным стажем Лиаквата Ахамеда была написана до мирового финансового кризиса 2008–2009 гг, но оказалась очень актуальной, хотя речь в ней идет о тяжелом послевоенном мире 1920–1930-х. Героями романа оказываются четыре финансовых лорда, возглавляющих центральные банки США, Франции, Великобритании и Германии — стран, которые на тот момент решали судьбы мира.

Принято верить, что события, подобные Великой депрессии, вызваны неудачным стечением обстоятельств, которые, подобно торнадо, пожирают судьбы поколений. Лиакват Ахамед, однако, не боится посмотреть на историю иначе — он показывает, что отдельные действия людей, имеющих власть и силу, могут кардинально изменить эпоху. И эта книга — еще одно напоминание о том, что люди, которым подконтрольны сложные механизмы, все равно остаются простыми людьми и тоже могут ошибаться.

Мы надеемся, что изданная с помощью «ИФД КапиталЪ» книга будет полезна профессионалам финансовых рынков и любителям современной истории, даст читателям возможность провести параллели к событиям 1920–1930-х гг., оценить непреодолимую силу простых решений и, наконец, получить ценный опыт, сидя в удобном домашнем кресле.

*Ольга Плаксина,
председатель правления Группы «ИФД КапиталЪ»*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Предисловие к русскому изданию

Работа над *Lords of Finance* была закончена осенью 2008 г. — за несколько недель до краха *Lehman Brothers*. А в январе 2009 г., когда книга вышла в свет, мы находились, что называется, в эпицентре разрушительной стихии. События разворачивались с головокружительной быстротой, не позволяя в полной мере оценить общую картину и понять, как далеко заведет нас поднимающаяся паника. Поэтому я умышленно воздерживался от попыток напрямую сравнивать катаклизмы, разворачивающиеся у нас на глазах, с теми, которым посвящена эта книга. Теперь, когда буря улеглась, природа нынешнего кризиса и стоящие за ним силы проступили отчетливее, что сделало поистине шокирующими параллели между событиями, повлекшими за собой Великую депрессию, и событиями, которые ввергли нас в нынешние потрясения.

В обоих случаях все началось с рыночного пузыря. Тогда пузырь вздулся на фондовом рынке, сейчас — на рынке недвижимости. Причиной его возникновения послужила одна и та же ошибка в политике Федеральной резервной системы — чрезмерная доступность кредита. В обоих случаях у этой ошибки один и тот же общий корень — функциональные сбои в международной финансовой системе.

В 1920-х гг. дисфункция системы была вызвана противоречиями между США и государствами Европы. Нынешний рыночный пузырь связывают с международным дисбалансом между США и азиатскими государствами. Как бы то ни было, и тогда, и сейчас сверхдоступность кредита спровоцировала огромный перекося в соотношении собственных и заемных средств на рынке. В 1920-х гг. заемными средствами злоупотребляли фондовые инвесторы и правительства европейских стран. На сей раз заемщиками выступили американские домохозяйства, кинувшиеся приобретать недвижимость, акции, до немыслимого уровня взвинтившие долю заемных средств в своих балансах, а также ряд государств Восточной и Южной Европы.

В конце концов каждый из пузырей — в 1920-х на биржевом рынке, а чуть ранее в нынешнем десятилетии на рынке недвижимости — постигла участь, вообще свойственная пузырям: он лопнул. Схлопывание рыночного пузыря в обоих случаях спровоцировало банковский кризис.

В 1930-х гг. имело место массовое изъятие средств из банков индивидуальными вкладчиками — сценарий вполне стандартный. В конце 2009 г. действующая почти повсеместно практика страхования частных вкладов избавила банки от повторения столь же масштабного вывода розничных вкладов. Зато на сей раз банки сделали жертвами «цифровых набегов», когда сотни миллиардов долларов, повинувшись негромкому клику компьютерной мышки, в мгновение ока исчезали с оптового рынка капиталов; сначала — с рынка обеспеченных активами коммерческих бумаг (ABCP), потом с рынка репо, а после скандала с Lehman Brothers — из взаимных фондов денежного рынка и с рынка обычных акций.

Как в прошлом, так и сейчас эффект от прорыва рыночного пузыря, банковского кризиса и последовавшей за этим вереницы громких скандалов выразился в подрыве доверия к тем, кто стоял у руля финансовой системы и осуществлял надзор за ней.

К январю 1931 г. мир уже почти 16 месяцев пребывал в кризисном состоянии, которое впоследствии получит название Великой депрессии. Фондовый рынок упал на 50%, прибыли сократились наполовину, мировое промышленное производство — почти на 20%. К марту 2009 г., когда нынешняя рецессия насчитывала те же 16 месяцев, мир оказался примерно в такой же ситуации, как и 78 лет назад: фондовый рынок просел на 50%, вполовину снизились прибыли, а объем мирового промышленного производства недосчитался тех же 20%.

Однако в дальнейшем ходе событий наблюдается разница: в период 1930-х гг. последующие полтора года, т. е. с января 1931 по июль 1932 г., прошли под знаком коллапса мировой экономики, тогда как в нынешней ситуации такого не случилось. Рынки сумели быстро оправиться, а ведущие экономики мира стабилизировались и снова начали рост.

Причины этого различия усматриваются в реакции властей. Крах мировой экономики в 1931 г. был вызван тем, что лица, облеченные ответственностью, прописывали «больному» лечение, прямо противопоказанное в его плачевном состоянии. Они позволили банковской системе обрушиться; они пытались лечить бюджетный дефицит повышением налогов; в неистовой погоне за золотом в 1931 г., в самый разгар депрессии, они подняли банковские ставки. Государственные деятели 1920-х гг. похожи на эскулапов XVIII столетия, предпочитавших обильные кровопускания всем прочим методам лечения болезней.

Если мы и приобрели что-то полезное, пройдя в те годы через горнило Великой депрессии, так это великолепный пример того, чего в обстановке

всеобщего кризиса делать категорически не следует. И этот отрицательный пример уберет современных политиков от повторения ошибок прошлого. Они не допустили окончательного развала банковской системы, а напротив, ради ее спасения произвели экстренное вливание беспрецедентной по объему денежной массы, равно как и не предпринимали попыток бороться с бюджетным дефицитом. Более того, правительства многих стран позволили своим бюджетам уйти глубоко в минус, и в результате совокупный бюджетный дефицит достиг 5%-ного уровня мирового годового ВВП, а процентные ставки не в пример прошлым временам были урезаны до минимума.

Хотя в краткосрочном плане правительства успешно провели свои страны по волнам экономического шторма, мало кто верит, что глобальная экономика вернется к прежнему уровню. Во многих областях мы слишком далеко зашли: правительства отягощены сегодня долгами, исчисляющимися поистине астрономическими суммами; домохозяйства набрали непозволительно много кредитных денег; банки разрослись до гигантских размеров и, имея на руках слишком скромный объем капитала, сейчас несут тяжкие потери.

В сложной проблеме, с которой мы столкнулись сегодня, имеется один аспект, представляющий мне в особенности интригующим в свете уроков далеких 1930-х. Как гласит излюбленный тезис одного из лучших экономических историков Великой депрессии Чарльза Киндлебергера, первопричиной проблем 1920–1930-х гг. явился провал экономического руководства в мировом масштабе. По его глубокому убеждению, в хорошо отлаженной глобальной экономике одна из стран обязана взять на себя роль лидера, служить поставщиком капитала в кризисные периоды и действовать в противовес текущей фазе экономического цикла, выступая экономическим локомотивом для остального мира. Фактически такая страна должна делать больше, чем остальные, для поддержания бесперебойного функционирования глобальной экономики, ясно осознавая при этом, что более слабые в экономическом отношении страны будут выбираться из кризиса за ее счет.

До Первой мировой войны оплотом мировой финансовой системы была Великобритания, органично принявшая на себя роль мирового экономического лидера. Доведенная Первой мировой войной до грани банкротства, Британия в послевоенный период уже не имела сил поддерживать мировые финансы. Титул лидера должен был перейти к США, но люди, стоявшие в тот период у власти, упустили эту возможность. Таким образом, в период 1920–1930-х гг. Британия больше не могла, а США не желали исполнять роль лидера.

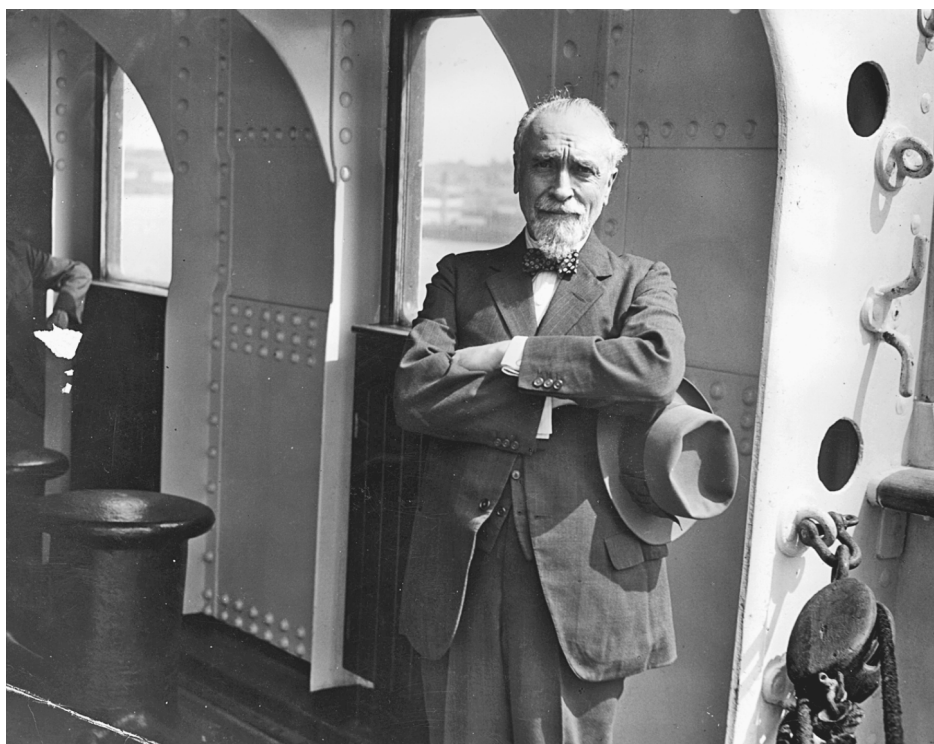
После 1945 г. Соединенные Штаты, осознавая, что в межвоенный период проявили себя не с лучшей стороны, принялись энергично намер-

стывать упущенное и прочно закрепились в положении экономического лидера. Всякий раз, когда тому или иному звену в системе мировой экономики грозил сбой, США неизменно давали понять, что в случае необходимости протянут руку помощи. Соединенные Штаты активно навязывали остальным странам мира политику свободного рынка, зачастую делая ее предметом торга и в качестве аргумента пуская в ход свой финансовый мускул. Именно экономический аналог панамериканизма подготовил почву для восстановления послевоенной Европы, индустриализации Японии и ряда восточноазиатских государств, а также для экономического роста Китая.

Судя по всему, сегодня мы вновь находимся в преддверии переломного момента истории мирового экономического лидерства, в ситуации, мало чем отличающейся от той, что отмечалась в начале XX в. Многочисленные неурядицы, и прежде всего накопившийся дефицит текущего баланса, фиаско банковской системы, внешнеполитические провалы подорвали экономическую мощь США, сделав для них непосильной прежнюю роль главного двигателя экономического роста. Проблема в том, что ни одна другая страна не способна принять эстафету экономического лидерства.

Весь вопрос в том, способны ли скоординированные усилия современных государств создать достойную замену, которая заполнила бы вакуум, образовавшийся в сфере мирового экономического лидерства? Наблюдение за развитием событий в последние 12 месяцев позволяет утверждать, что до сих пор этот процесс протекал как нельзя более успешно, начиная с Вашингтонской встречи G-20 осенью 2008 г., последующими саммитами 2009 г. в Лондоне и Питтсбурге и заканчивая саммитом этого года, который планируется в Торонто. Главная загвоздка в том, чтобы в условиях, когда кризис пошел на убыль, продолжить подпитку первоначального импульса. Вместе с тем история последних 50 лет дает слабый повод к большим надеждам на это.

В заключение хотелось бы высказать особенную признательность группе «ИФД КапиталЪ» за спонсорскую поддержку издания книги *Lords of Finance* на русском языке.

Монтегю Норман на лайнере Duchess of York, 15 августа 1931 г.

Введение

15 августа 1931 г. в прессе появилось следующее заявление: «Из-за чрезмерной нагрузки в последние месяцы управляющий банком Англии почувствовал недомогание. По совету врачей он прервал работу и отправился за границу, чтобы отдохнуть и сменить обстановку». Этим управляющим был Монтегю Коллет Норман. Он многократно подчеркивал, что не принадлежит к титулованной аристократии, хотя нередко его называли сэром Норманом или лордом Норманом, но чрезвычайно гордился тем, что был кавалером ордена «За выдающиеся заслуги», второй по значению награды за отвагу, которой удостоивались офицеры.

Как правило, Норман остерегался прессы и шел на все, чтобы скрыться от любопытных репортеров, — он путешествовал под чужим именем, мог сойти с поезда, а однажды даже соскользнул по веревочной лестнице за борт океанского судна. Однако на сей раз, готовый подняться на борт лайнера *Duchess of York*, который шел в Канаду, был необычайно открыт и приветлив. Со свойственной ему сдержанностью, он сказал репортерам, собравшимся на причале: «Последнее время мне приходилось нелегко, и, вероятно, мне необходим отдых. Я чувствую себя хуже, чем мне хотелось бы, и полагаю, что путешествие на этом прекрасном судне пойдет мне на пользу».

В финансовых кругах было давно известно, что Монтею не отличается устойчивой психикой. Однако мало кто знал, что в последние две недели, когда мировой финансовый кризис достиг апогея, а европейская банковская система оказалась на грани краха, управляющего банком Англии настиг нервный срыв. Пресс-релиз банка, опубликованный в газетах от Сан-Франциско до Шанхая, стал великим потрясением для инвесторов по всему миру.

Ныне, много лет спустя, трудно представить, какой властью и авторитетом обладал Монтегю Норман в период между двумя войнами, — сегодня его имя почти забыто. Однако в то время *New York Times* называла его самым влиятельным управляющим центральным банком в мире,

«монархом незримой империи». Для Жана Монне, отца-основателя Европейского союза, Банк Англии был тогда оплотом мировой финансовой системы, а «Монтегю Норман доблестно командовал этой цитаделью».

За истекшие десять лет он и главы трех других крупнейших центральных банков образовали своеобразный «клуб для избранных» — так окрестили этот узкий круг газетчики, — в его состав входили Норман, Бенджамин Стронг, управляющий Федеральным резервным Банком Нью-Йорка, Ялмар Шахт, возглавлявший Рейхсбанк, и глава Банка Франции Эмиль Моро. Именно они взялись за перестройку глобальной финансовой системы после Первой мировой войны.

В 1931 г. из этой четверки уцелел только Норман. Стронг умер в 1928 г. в возрасте 55 лет, Моро ушел в отставку в 1930 г. Шахт оставил пост, не поладив с правительством, и начал заигрывать с Адольфом Гитлером и нацистской партией. В итоге роль лидера финансового мира досталась этому колоритному и загадочному англичанину с озорной улыбкой, бородкой а-ля Дик Ван Дайк и театральной манерой окутывать все покровом тайны, который носил шляпу с широкими полями, струящуюся накидку с капюшоном и булавку для галстука со сверкающим изумрудом.

Для мировой экономики, которая вот уже второй год все глубже погружалась в невиданную доселе депрессию, нервное расстройство самого авторитетного главы центрального банка было весьма некстати. Производство повсеместно сокращалось — в Соединенных Штатах и Германии, где кризис оказался наиболее острым, оно упало на 40%. Промышленные предприятия по всему миру — от автомобильных заводов в Детройте до сталелитейных заводов в Руре, от шелковых мануфактур Лиона до верфей Тайнсайда — закрывались либо были загружены лишь частично. С тех пор как начался экономический спад, компании из-за падения спроса были вынуждены снизить цены на 25%.

Города индустриальных держав наводнили полчища безработных. В США, крупнейшей экономике мира, без работы остались около 8 млн человек, почти 15% трудоспособного населения. В Великобритании и Германии, второй и третьей по величине мировых экономиках, ряды безработных пополнили соответственно 2,5 и 5 млн человек. Казалось, из четырех великих держав только Франция была до некоторой степени защищена от бушующего урагана, который опустошал мир, но и ее экономика начала постепенно сползать вниз.

Компании безработных — юнцов и взрослых мужчин, которым было нечем заняться, — бесцельно слонялись по улицам и паркам, сидели в барах и кафе. По мере того как все больше людей оставались без работы и не могли позволить себе нормальное жилье, в Нью-Йорке и Чикаго росли массивы ужасающих трущоб, выстроенных на скорую руку из упа-

ковочных ящиков, железного лома, брезента и кузовов старых автомобилей — одно из таких поселений появилось даже в Центральном парке. Подобные импровизированные колонии множились на окраинах Берлина, Гамбурга и Дрездена. В США миллионы бродяг, спасаясь от городской нищеты, отправились в путь в поисках хоть какой-то — любой — работы.

Безработица порождала насилие и беспорядки. В Арканзасе, Оклахоме, центральных и юго-западных штатах США вспыхивали голодные бунты. В Британии первыми забастовали шахтеры, затем их примеру последовали рабочие хлопкопрядильных фабрик и ткачи. Берлин был на грани гражданской войны. На выборах в сентябре 1930 г. нацисты, умело используя страхи и тревоги безработных и обвиняя всех подряд — союзников, коммунистов, евреев — в бедственном положении Германии, получили почти 6,5 млн голосов, увеличив свое представительство в Рейхстаге с 12 до 107 мест и став второй по величине парламентской группой после социал-демократов. На улицах то и дело вспыхивали стычки между нацистами и коммунистами. В Португалии, Бразилии, Аргентине, Перу и Испании произошли государственные перевороты.

Теперь самую серьезную экономическую угрозу представляла разрушающаяся банковская система.

В декабре 1930 г. лопнул банк Соединенных Штатов, который, несмотря на свое название, был частным банком без официального статуса. Это было крупнейшее банкротство банковского учреждения в истории США — вкладчики потеряли около 200 млн долларов. В мае 1931 г. закрылся крупнейший банк Австрии Creditanstalt, принадлежащий Ротшильдам, — его активы превышали 250 млн долларов. 20 июня президент США Герберт Гувер объявил годичный мораторий на выплату всех долгов и репараций, связанных с войной. В июле пошел ко дну Danatbank, третий по размеру банк Германии, что подтолкнуло население к массовому изъятию вкладов и вызвало отток капитала из страны. Канцлер Генрих Брюнинг объявил банковские каникулы, ограничив объем средств, которые могли снять со счетов граждане Германии, и приостановил погашение краткосрочных внешних долгов. Позднее в том же месяце кризис охватил и Лондон, который, щедро одалживая деньги Германии, обнаружил, что та не исполняет требования по долговым обязательствам. Инвесторы всего мира, осознав, что Великобритания тоже вот-вот будет не в состоянии выполнять свои обязательства, начали изымать свои капиталы из Лондона. Чтобы не допустить полного истощения золотых запасов страны, Банку Англии пришлось одолжить 650 млн долларов во Франции и США, в том числе у Банка Франции и Федерального резервного банка Нью-Йорка.

Очереди безработных росли, банки закрывались, цены на продукцию сельского хозяйства падали, и многим начало казаться, что мир идет к ги-

бели. 22 июня видный экономист Джон Мейнард Кейнс сказал своим слушателям в Чикаго: «Сейчас мы находимся на пике величайшей катастрофы современного мира — катастрофы, обусловленной практически исключительно экономическими факторами. Мне сообщили, что в Москве этот кризис рассматривается как последний, как апофеоз развития капитализма и что существующая структура общества не переживет его». Историк Арнольд Тойнби, который неплохо разбирался во взлетах и падениях цивилизаций, делая обзор событий за год для Королевского института международных отношений, писал: «В 1931 г. люди по всему миру всерьез обсуждали возможность того, что западная общественная система может разрушиться и перестать функционировать».

Летом в прессе появилось письмо Монтею Норману, которое тот несколько месяцев назад отправил управляющему Банка Франции Клеману Море. «Если не принять решительные меры, капиталистическая система во всем цивилизованном мире рухнет в течение года, — пишет Норман, добавляя язвительным тоном, который он приберег для своего французского коллеги. — Мне бы хотелось, чтобы эти слова были запrotocolированы на будущее». Ходили слухи, что, прежде чем отправиться в Канаду, он настоял, чтобы в Великобритании были отпечатаны карточки на продовольствие на случай краха европейских валют и вынужденного возврата к меновой торговле.

Во времена кризиса главы центральных банков обычно стараются следовать принципу, который матери веками внушали своим детям: «Если не можешь сказать ничего хорошего, помолчи». Так можно избежать дилеммы, с которой постоянно сталкиваются те, кто управляет финансовой деятельностью, — либо быть честным в своих публичных заявлениях и навлечь на себя всеобщий гнев, либо пытаться обнадежить людей, не гнушаясь откровенной ложью. То, что человек в положении Нормана был готов открыто говорить о крушении западной цивилизации, явно и недвусмысленно свидетельствовало о том, что, столкнувшись с «экономической бурей», финансовые лидеры исчерпали запас идей и были готовы признать свое поражение.

Норман был не только самым видным управляющим банком в мире — финансисты и чиновники с самыми разными политическими взглядами восхищались его сильным характером и трезвым умом. Внутри такого бастиона плутократии, как Дом Морганов, ничьи советы и консультации не ценились столь же высоко. Позднее старший партнер фирмы Томас Ламонт назовет Нормана «умнейшим человеком из тех, которых он когда-либо встречал». Приверженец совершенно иных политических взглядов, канцлер казначейства Великобритании Филип Сноуден, пламенный социалист, который сам часто предсказывал крах капитализма, с умилением писал, что Норман «вышел за рамки обличья самого любез-

ного льстеца, который когда-либо удостаивал своим присутствием королевский двор», что он «относится к страданиям народов столь же чутко, как женщина к своему ребенку» и как никто «умеет внушать доверие».

Норман завоевал репутацию человека, чрезвычайно проницательного в вопросах экономической и финансовой деятельности, поскольку жизнь нередко подтверждала его правоту. С тех пор как закончилась война, он был горячим противником взыскания репараций с Германии. В 1920-х гг. он забил тревогу, обеспокоенный тем, что в мире иссякают золотые резервы. Он одним из первых предупреждал об опасностях пузыря на фондовом рынке США.

Тем не менее были и те, кто утверждал, что именно принципы, которым следовал Норман, и в первую очередь его непоколебимая, почти религиозная вера в золотой стандарт, виноваты в экономической катастрофе, разразившейся на Западе. Среди тех, кто винил Нормана, были Джон Мейнард Кейнс и Уинстон Черчилль. За несколько дней до того, как Норман уехал на отдых в Канаду, Черчилль, который потерял большую часть своих сбережений два года назад, когда обрушилась Нью-Йоркская фондовая биржа, написал из Биаррица своему другу и бывшему секретарю Эдди Маршу: «Все, кого я встречаю, предчувствуют, что в финансовой сфере должно произойти нечто ужасное... Если так оно и будет, надеюсь, мы вздернем Монтегю Нормана. У меня, безусловно, найдутся улики против него».

Кризис мировой экономики в 1929–1933 гг. — теперь его по праву называют Великой депрессией — стал судьбоносным экономическим событием XX века. Ни одна страна не избежала его когтей, более десяти лет мировая экономика не могла оправиться от его последствий, поскольку он отравил все аспекты социальной и материальной жизни и искалечил будущее целого поколения. Он породил массовые беспорядки в Европе и положил начало «бесчестному десятилетию» 1930-х гг., привел к появлению нацизма и приходу к власти Гитлера, в результате чего значительная часть земного шара была втянута во Вторую мировую войну, которая оказалась куда страшнее первой.

Историю о том, как эпоха бурного расцвета в 1920-гг. сменилась Великой депрессией, можно изложить по-разному. В этой книге я решил заглянуть через плечо людям, которые возглавляли четыре ведущих центральных банка мира: Банк Англии, Федеральную резервную систему, Рейхсбанк и Банк Франции.

Среди бесчисленных жертв Первой мировой войны, которая закончилась в 1918 г., оказалась и мировая финансовая система. Тщательно продуманная система международного кредитования с центром в Лондоне, в основе которой лежал золотой стандарт, обеспечила расцвет торговли и всемирный экономический подъем во второй половине XIX в.

В 1919 г. эта система лежала в руинах. Великобритания, Франция и Германия были близки к разорению, их экономики были обременены долгами, население обнищало из-за роста цен, валюты терпели крах. За время войны окрепла лишь экономика США.

В тот период правительства были убеждены, что заниматься финансовыми вопросами должны банки, поэтому судьба мировой экономики была вверена центральным банкам четырех крупнейших держав: Великобритании, Франции, Германии и США.

В этой книге рассказывается о том, как главы четырех центральных банков занимались восстановлением международной финансовой системы после Первой мировой войны. В середине 1920-х гг. они на какое-то время, казалось, добились успеха: мировые валюты стабилизировались, капитал начал свободно перетекать из одной страны в другую, а экономический рост возобновился. Но за фасадом благополучия обнаружились трещины, и золотой стандарт, который, по всеобщему убеждению, должен был обеспечить стабильность финансового рынка, оказался для него лишь смиренной рубашкой. В последних главах описаны отчаянные, но тщетные попытки глав центральных банков спасти мировую экономику от Великой депрессии.

В 1920-е гг., как и сегодня, главы центральных банков обладали исключительной властью и пользовались огромным авторитетом. Главные действующие лица нашего повествования — нервный и загадочный Монтегю Норман, управляющий Банком Англии; подозрительный и осторожный Эмиль Моро, глава Банка Франции; упрямый и самонадеянный и в то же время умный и находчивый Ялмар Шахт, возглавлявший Рейхсбанк; и наконец, глава Федерального резервного банка Нью-Йорка Бенджамин Стронг, за энергией и напористостью которого скрывался глубокий душевный надлом.

Большую часть десятилетия эти четверо находились в центре событий. Их жизнь позволит нам поближе познакомиться с происходившим в двадцатые годы XIX века — горькой эпохой военных долгов и репараций, гиперинфляции, тяжелых времен в Европе и процветания в Америке, периодом экономического подъема, последующего спада и рухнувших надежд на сохранение мира.

Личность каждого из них по-своему отражает национальный дух той эпохи. Далекий от реальности Монтегю Норман, который всецело полагается на не раз подводившую его интуицию, — воплощение консерватизма Великобритании, которая не может примириться с тем, что ее былое величие осталось в прошлом. Замкнутый и мстительный Эмиль Моро — точное подобие Франции, которая зализывает страшные раны, нанесенные войной. Бенджамин Стронг, человек дела, который, участвуя в международных делах, поигрывает финансовыми мускулами, представ-

ляет новое поколение США. Лишь задиристый и заносчивый Ялмар Шахт не похож на слабую, побежденную Германию — впрочем, по всей вероятности, его поведение попросту отражает глубинные настроения нации.

Контраст между былым могуществом этой четверки и ее практически полным исчезновением со страниц истории вызывает невольную печаль. Когда-то громкие имена тех, кто входил в «клуб для избранных», со временем были преданы забвению и для большинства людей стали пустым звуком.

1920-е гг. были переходным периодом. После одной эпохи опустился занавес, а следующей лишь предстояло начаться. Центральные банки все еще находились в частном владении, а их основные задачи состояли в том, чтобы поддерживать стоимость валюты и сдерживать панику в банковской сфере. Они только начинали понимать, что несут ответственность за стабилизацию экономики.

В XIX веке главы Банка Англии и Банка Франции были известны в финансовых кругах, но не привлекали внимания общества. В этом смысле 1920-е гг. куда больше похожи на наши дни — главы центральных банков стали привлекать самое пристальное внимание людей. Газеты были переполнены слухами об их решениях и тайных совещаниях, а они сами имели дело с теми же проблемами, что и их преемники сегодня: резкие колебания цен на фондовых рынках, нестабильность валюты и перемещение крупного капитала из одного финансового центра в другой.

Однако герои нашего повествования располагали весьма примитивными инструментами, а их источники информации были ограничены. Сбор данных по экономической статистике начался лишь недавно. Главы банков общались по почте — при этом письмо из Нью-Йорка в Лондон шло неделю, а при необходимости срочного обмена информацией — с помощью телеграмм. Лишь в самых последних актах этой драмы они получили возможность беседовать по телефону, и эта связь далеко не всегда была бесперебойной.

Другим был и темп жизни. Никто не летал из одного города в другой. Это был золотой век океанских лайнеров — на то, чтобы пересечь Атлантику, уходило пять дней, люди отправлялись в плавание в сопровождении слуг, а к ужину передевались в вечернее платье. Это была эпоха, когда никого не удивляло, что Бенджамин Стронг, глава Федерального резервного банка Нью-Йорка, отбывает в Европу на четыре месяца — он пересекал Атлантику в мае и проводил лето, посещая европейские столицы, где консультировался со своими коллегами, и отдыхая на водных курортах, после чего возвращался в Нью-Йорк в сентябре.

Мир тех лет был одновременно космополитическим и до крайности разобщенным. Это было общество, в котором расовые и национальные стереотипы принимались как должное и не считались предрассудками.

Джек Морган, сын могущественного Пирпонта Моргана, мог отказаться участвовать в предоставлении займов Германии, назвав немцев «людьми второго сорта», или воспротивиться включению евреев и католиков в Попечительский совет Гарварда, заявив, что «еврей всегда прежде всего еврей и лишь потом — американец, и боюсь, что католик всегда в первую очередь католик и лишь во вторую — американец». Финансовый мир конца XIX — начала XX века, будь то Лондон, Нью-Йорк, Берлин или Париж, был расколот надвое. Одну его часть составляли крупные англосаксонские банки: J. P. Morgan, Brown Brothers, Barings; другую — еврейские концерны: четыре ветви Ротшильдов, Lazards, крупные немецко-еврейские банкирские дома Warburgs и Kuhn Loeb и такие одиночки, как сэр Эрнест Кассель. Хотя «истинные американцы», как и многие в ту пору, были не чужды антисемитизма, эти две группы относились друг к другу с настороженным уважением. Однако и те, и другие были снобами, которые смотрят на чужаков свысока. Это было самодовольное и ограниченное общество, безразличное к проблемам безработных и бедняков. Но лишь в Германии — и об этом тоже рассказывается в этой книге — неявные предубеждения превратились в подлинную ненависть.

Когда я начал писать о роли, которую сыграл каждый из четырех героев этой книги, подталкивая мир к Великой депрессии, оказалось, что в происходящее то и дело вмешивается еще одна фигура — Джон Мейнард Кейнс, величайший экономист своего времени, которому в 1919 г., когда он появился на сцене впервые, было всего тридцать шесть лет.

Ни одно из действий этой безысходной драмы не обходится без его участия — не желая держать язык за зубами, он всегда высказывался, пусть даже из-за кулис. В отличие от главных действующих лиц он не принадлежал к тем, кто принимал решения. Он был всего лишь независимым наблюдателем. Но при каждом повороте сюжета он тут как тут — блестящий, остроумный, подвергающий все сомнению и наделенный уникальным даром оказываться правым — комментирует происходящее, отпуская непочтительно-шутливые замечания.

Кейнс резко отличается от главных героев книги. Будучи властителем финансового мира, они придерживались ортодоксальных взглядов, и это сковывало их по рукам и ногам. В отличие от них неутомимый Кейнс, преподаватель Кембриджа, миллионер, добившийся успеха своими силами, издатель, журналист и автор бестселлеров, сумел вырваться из пут парализующего единодушия, которое ведет к катастрофе. Хотя Кейнс был моложе нашей четверки всего на десять лет, он принадлежал к совершенно иному поколению.

Чтобы понять, какую роль играли главы центральных банков в период Великой депрессии, нужно представлять, что такое центральный банк,

и хотя бы в общих чертах знать, как он функционирует. Центральный банк — загадочное учреждение, внутренние механизмы которого так сложны и непонятны, что очень немногие аутсайдеры, даже экономисты, разбираются в них по-настоящему. Если изложить самую суть, центральный банк — это банк, который наделен монопольным правом выпускать валюту¹. Эта возможность позволяет ему регулировать цену кредитов — ставки процента — и таким образом определять, сколько денег обращается в экономике.

Хотя центральные банки — это национальные институты, определяющие кредитную политику в масштабах страны, в 1914 г. они в основном находились в частном владении. Их позиция была двойкой: отвечая прежде всего перед собственными директорами, главным образом банкирами, и выплачивая дивиденды акционерам, они были облечены огромной властью для решения задач, абсолютно не связанных с извлечением прибыли. При этом в отличие от сегодняшнего дня, когда закон требует, чтобы центральные банки обеспечивали стабильность цен и содействовали полной занятости, в 1914 г. их задачи сводились к поддержанию стоимости валюты.

В то время все основные валюты были обеспечены золотым запасом, и стоимость любой из них соответствовала строго определенному количеству золота. Так, стоимость фунта стерлингов была эквивалентна 113 грамам золота. Гран — это единица массы, которая теоретически равна массе одного зерна пшеницы. Доллар соответствовал 23,22 грана золота того же качества. Поскольку стоимость всех валют была определена в золоте, можно было точно выяснить их стоимость по отношению друг к другу. К примеру, фунт стерлингов стоил $113/23,22$ грана, или 4,86 доллара. Все бумажные деньги по закону должны были свободно конвертироваться в золотой эквивалент, и каждый крупный центральный банк был готов обменять любое количество внутренней валюты на золотые слитки.

Тысячи лет золото использовалось как валюта. В 1913 г. чуть более 3 млрд долларов, около четверти объема всей валюты в мире, составляли золотые монеты, еще 15% приходилось на серебро, а оставшееся количество представляло собой бумажные деньги. Однако золотые монеты были лишь частью картины, и далеко не самой важной.

¹ Это монополия не всегда была абсолютной. Так, хотя в 1844 г. Банку Англии было предоставлено монопольное право на выпуск валюты, шотландские банки продолжали печатать деньги наряду с английскими банками, которым это право было даровано ранее. Последние английские банкноты, выпущенные частным банком Fox, Fowler and Company, были напечатаны в Сомерсетшире в 1921 г.

Большая часть мировых запасов золота, почти две трети, фактически была изъята из обращения и лежала глубоко под землей, в подвалах банков, в виде слитков. Основная масса золотого запаса каждой страны хранилась в подвалах центрального банка, хотя каждый банк имел в своем распоряжении слиток-другой. Эти спрятанные в укромном месте сокровища представляли собой резервы банковской системы, определяли объем кредитных ресурсов и находящейся в обращении денежной массы и служили привязкой для золотого стандарта.

Обладая привилегией выпускать валюту — в сущности это означало право печатать деньги, — каждый центральный банк был обязан иметь определенное количество слитков, обеспечивающих бумажные деньги. Конкретные правовые нормы варьировались в зависимости от страны. К примеру, первая партия фунтов стерлингов, отпечатанных в Банке Англии на сумму 75 млн долларов, не была привязана к золотому запасу, но любая валюта, превышающая эту сумму, должна была строго соответствовать количеству золота. Федеральная резервная система (ФРС) США была обязана иметь запасы золота, эквивалентные 40% всей выпущенной валюты — без каких-либо исключений. Но хотя нормативные акты различались между собой, в конечном итоге все они были призваны обеспечить один результат — автоматически и почти механически привязать количество валюты к золотым запасам центрального банка.

Центральный банк контролировал приток денег в экономику за счет изменения ставки процента. Это было сродни регулировке гигантского денежного термостата. Когда золото скапливалось в подвалах банка, стоимость кредита снижалась, что побуждало потребителей и компании брать деньги в долг, тем самым способствуя притоку денег в систему. Когда запасы золота оскудевали, процентные ставки поднимались, частные лица и компании брали займы не так охотно, и количество денег в обращении уменьшалось.

Поскольку стоимость валюты была законодательно привязана к определенному количеству золота, а количество валюты, которое могло быть выпущено в обращение, определялось объемом золотых запасов, правительства были вынуждены жить по средствам, а испытывая нехватку наличности, не могли манипулировать стоимостью валюты. Поэтому инфляция оставалась низкой. Принятие золотого стандарта стало «делом чести» и свидетельствовало о том, что правительство, избравшее этот путь, обязуется обеспечить стабильность валюты и придерживаться ортодоксальной финансовой политики. К 1914 г. 59 стран привязали свои валюты к золоту.

Мало кто понимал, насколько уязвима система, которая зиждилась на таком основании. Общего количества золота, добытого во всем мире с незапамятных времен, едва хватило бы, чтобы наполнить скромный

двухэтажный дом. Пополнение этих запасов было нестабильным и непредсказуемым, и лишь по случайному совпадению количество добытого золота могло оказаться достаточным для удовлетворения нужд мировой экономики. Поэтому, когда добыча нового золота была скудной, например в период с середины до конца XIX века, когда золотая лихорадка в Калифорнии и Австралии осталась позади, а залежи золота в Южной Африке еще не были обнаружены, цены на товары падали по всему миру.

У золотого стандарта были и свои противники. Среди них были как обыкновенные сумасброды, так и те, кто вполне обоснованно утверждал, что ограничение роста кредитов количеством золота, особенно в периоды снижения цен, вредит как производителям, так и дебиторам — особенно фермерам, которые принадлежали к обеим категориям одновременно.

Наиболее известным сторонником более свободного определения стоимости денег был Уильям Дженнингс Брайан, конгрессмен-популист от аграрного штата Небраска. Он активно выступал за отмену привилегированного положения золота и за придание серебру статуса резервного металла, что позволило бы расширить кредитную базу. На съезде Демократической партии в 1896 г. он произнес одну из величайших речей в американской истории — подлинный шедевр ораторского искусства, — в которой, обращаясь к банкирам, провозгласил: «Вы пришли сказать нам, что крупные города выступают за золотой стандарт; мы ответим вам, что крупные города стоят на бескрайних плодородных равнинах. Сожгите свои города дотла, не трогая наши фермы, и города вырастут вновь как по мановению волшебной палочки. Но уничтожьте наши фермы, и города зарастут травой... Не надвигайте на чело труда терновый венец. Вы не можете распять человечество на золотом кресте».

Однако время этих идей ушло. За десять лет до того, как Брайан произнес свою речь, два золотоискателя в Южной Африке вышли прогуляться по территории фермы в Витватерсранде и наткнулись на каменистое образование, в котором они опознали золотоносный пласт. Так было открыто крупнейшее в мире месторождение золота. К моменту речи Брайана добыча золота выросла на 50%. Южная Африка обогнала США и стала крупнейшим производителем золота в мире. С «золотой засухой» было покончено. Цены на все товары, в том числе на продукцию сельского хозяйства, вновь стали расти. На съезде Демократическая партия выдвинула Брайана кандидатом на пост президента, но он не сумел выиграть выборы. Впоследствии он участвовал в президентских выборах еще дважды — в 1900 и 1908 гг., но так и не добился победы.

Хотя цены в эпоху золотого стандарта поднимались и падали вместе с приливами и отливами в поставках драгоценного металла, кривые этих изменений были достаточно плавными, и к концу дня цены возвращались

к исходной точке. Это позволяло контролировать инфляцию, но золотой стандарт не мог предотвратить чередование финансовых бумов и депрессий, и подобные циклы были и продолжают оставаться неотъемлемой чертой экономического ландшафта. Истоки подобных взлетов и падений, присущих капиталистической системе, по-видимому, следует искать в глубинной природе человека. С начала XVII в. разразилось около 60 кризисов — однако первые письменные свидетельства о финансовой панике относятся к 33 г. н. э., когда императору Тиберию пришлось выделить миллион золотых монет, чтобы спасти римскую финансовую систему от краха.

Каждый из этих эпизодов имеет свои особенности. Одни берут начало на фондовом рынке, другие на кредитном рынке, третьи на рынке иностранной валюты, а иногда — и на товарном рынке. Порой кризис поражал только одну страну, порой несколько, крайне редко — весь мир. Однако все они развивались по единой схеме: зловещий цикл движения от жадности к страху.

Обычно финансовые кризисы начинались с невинного всплеска здорового оптимизма среди инвесторов. Постепенно, подогреваемый склонностью банкиров к необдуманному риску, этот оптимизм перерастал в самонадеянность, а порой и в своего рода манию. Сопутствующий бум продолжался обычно дольше, чем можно было рассчитывать. Далее следовал внезапный шок — банкротство, неожиданно крупные убытки, финансовый скандал, связанный с мошенничеством. О каком бы событии ни шла речь, оно резко меняло отношение к происходящему. Затем начиналась паника. Инвесторы поспешно избавлялись от ценных бумаг в условиях падающих цен, убытки росли, банки урезали кредиты, а испуганные вкладчики бросались изымать деньги из банков.

Если бы все сводилось к тому, что в периоды экономических затруднений бестолковые инвесторы и кредиторы теряют деньги, едва ли это волновало бы кого-то еще. Но проблема в одном банке порождала страхи и проблемы в других банках. А поскольку уже в XIX в. финансовые учреждения поддерживали тесные связи, одалживая друг другу крупные суммы денег, сбой на одном участке передавался далее, отражаясь на системе в целом. Таким образом кризис распространялся, угрожая целостности всей системы и вовлекая в происходящее центральный банк. Последний не только воздействовал на экономику с помощью золотого стандарта, но и выполнял еще одну функцию — сдерживал банковскую панику, предупреждая новые финансовые кризисы.

Центральные банки располагали мощными средствами для борьбы с подобными вспышками, а именно: правом печатать деньги и возможностью использовать сосредоточенные в их руках запасы золота. Но несмотря на такой арсенал инструментов, первоочередная задача центрального

банка в период финансового кризиса была одновременно весьма проста и чрезвычайно сложна — восстановить доверие к банкам.

Подобные сбои любопытны не только с исторической точки зрения. Как я писал в октябре 2008 г., мир охвачен паникой, самой неистовой за 75 лет, истекших со времени массового изъятия банковских средств в 1931–1933 гг., — периода, который так ярко описан в последних главах этой книги. Кредитные рынки заморожены, финансовые институты запасают наличность, банки лопаются или переходят в руки новых владельцев еженедельно, фондовые рынки обваливаются. Когда описываешь подобные события, находясь в эпицентре урагана, это помогает как нельзя лучше прочувствовать уязвимость банковской системы и мощь финансового кризиса. Наблюдая, как главы центральных банков и руководители финансовой сферы пытаются справиться с нынешней ситуацией, пробуя одно средство за другим, чтобы восстановить доверие, бросая на решение проблемы все силы, ежедневно сталкиваясь с обескураживающими изменениями в настроениях рынка, — вновь осознаешь, что волшебной пули или магической формулы, позволяющей остановить финансовую панику, не существует. Пытаясь успокоить встревоженных инвесторов и стабилизировать ситуацию на рынке, главы центральных банков вынуждены бороться с самыми стихийными и непредсказуемыми факторами психологии масс. Именно это умение, которое они демонстрируют, ведя свои суда в шторм, решает судьбу их репутации.

Часть I

Внезапный шторм

АВГУСТ, 1914

1. Пролог

*Какой замечательный эпизод экономического прогресса
пришел к концу в августе 1914 г.*

Джон Мейнард Кейнс.
Экономические последствия мира

В 1914 г. Лондон был центром детально продуманной системы международного кредитования, которая опиралась на золотой стандарт. Эта система принесла с собой бурное развитие торговли и способствовала экономическому процветанию во всем мире. В предшествующие 40 лет не было крупных войн и великих революций. Технологические достижения XIX в. — железные дороги, пароходы и телеграф — распространились по всему миру, сделав огромные территории доступными для заселения и торговли. Международная торговля переживала настоящий бум, а европейский капитал свободно растекался по всему миру — финансировались порты в Индии, каучуконосные плантации в Малайе, выращивание хлопка в Египте, заводы в России, пшеничные поля в Канаде, золотые прииски и алмазные копи в Африке, скотоводческие ранчо в Аргентине, багдадская железная дорога, Суэцкий и Панамский каналы. Хотя время от времени систему сотрясали финансовые кризисы и банковская паника, спады торговли были кратковременными и мировая экономика неизменно оправлялась от потрясений.

Экономическим символом эпохи был золотой стандарт, перед которым отступали даже вера в свободную торговлю, необходимость низких налогов и минимального вмешательства правительства в экономику. Золото было источником жизненной силы финансовой системы. Оно служило привязкой для большинства валют и опорой для банков, а в период войны или паники становилось страховым запасом. Для растущего по всему миру среднего класса — а ему принадлежала львиная доля сбережений — золотой стандарт был не просто остроумной системой регулирования денежного обращения. Он был подтверждением всех викторианских добродетелей экономики тех времен и осмотритель-

ности в государственной политике. По словам Г. Уэллса, в нем была какая-то «пленительная туповатая честность». Среди банковских организаций, будь то Лондон, Нью-Йорк, Париж или Берлин, он вызывал почти религиозное благоговение.

В 1909 г. британский журналист Норман Энджелл, в то время редактор парижского издания *Daily Mail*, опубликовал небольшую книжку под названием «Европейская иллюзия» (*Europe's Optical Illusion*). Там высказывалась мысль о том, что экономические преимущества войны столь иллюзорны, а торговые и финансовые связи между странами столь всеобъемлющи, что ни одной разумной стране не придет в голову развязать войну. Экономический хаос, особенно разрушение системы международного кредитования, к которому приведет война между великими державами, нанесет ущерб всем сторонам, и победитель проиграет, как и побежденный. Даже если в Европе случайно вспыхнет война, она быстро закончится.

Энджелл неплохо разбирался в глобальной взаимозависимости. Всю жизнь он кочевал с места на место. Энджелл родился в Линкольншире в семье землевладельца, принадлежащего к среднему классу, и ребенком послан учиться в лицей св. Омера во Франции. В 17 лет он стал редактором англоязычной газеты в Женеве, где учился в университете, а затем, решив, что не стоит связывать свое будущее с Европой, эмигрировал в США. Хрупкий и невысокий — его рост был всего пять футов — в течение семи лет занимался физическим трудом в Калифорнии, где успел попробовать себя в качестве работника на виноградных плантациях, землекопа на ирригационных сооружениях, ковбоя, разносчика писем и старателя на золотых приисках. В конце концов стал корреспондентом газеты *St. Louis Globe-Democrat*, а позднее перешел на работу в *San Francisco Chronicle*. Вернувшись в Европу в 1898 г., он вскоре отправился в Париж, где устроился в *Daily Mail*.

Брошюра Энджелла была издана в 1910 г. под названием «Великая иллюзия» (*The Great Illusion*). Мысль о том, что не столько жестокость, сколько экономическая нецелесообразность делает войну неприемлемой в качестве инструмента государственной власти, вызвала тогда широкий отклик. Труд Энджелла стал предметом культа. В 1913 г. было продано более миллиона экземпляров книги, она была переведена на 22 языка, в том числе на китайский, японский, арабский и персидский. Для распространения идей Энджелла было создано более 40 организаций. Его книгу цитировали сэр Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании, граф фон Меттерних и Жан Жорес, лидер французского социалистического движения. Даже кайзер Вильгельм, известный своей воинственностью и далекий от пацифизма, проявил определенный интерес к данной теории.